

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 451–458

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 451–458

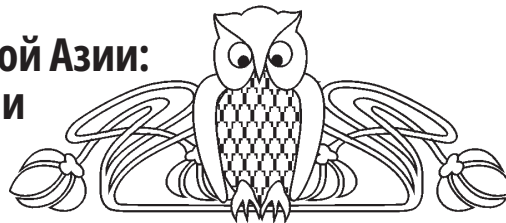
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-451-458>, EDN: NJVFDZ

Научная статья

УДК [321+342],(328+342.53)

Постсоветские государства Центральной Азии: сравнительный анализ трансформации политических систем

А. В. Абрамов¹✉, Р. А. Алексеев^{1,2}

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49

Абрамов Андрей Вячеславович, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Алексеев Роман Андреевич, кандидат политических наук, ¹доцент кафедры государственной политики; ²доцент кафедры политологии, Alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Аннотация. В статье осуществлен сравнительный анализ процессов и результатов формирования политических систем четырех постсоветских государств Центральной Азии: Таджикистана, Туркменистана, Казахстана и Узбекистана. На основании распределения полномочий в треугольнике институтов высшей государственной власти: президент – парламент – правительство, определен тип политической системы всех четырех стран – электоральная автократия. Ее признаками являются сильная власть лидера-президента, зачастую сопровождающаяся установлением в обществе его культа личности, имитационный характер выборов и многопартийности, а также подчиненный тип парламента. Отличием политических систем друг от друга являются форма правления (президентализм в Таджикистане и Туркменистане, смешанная республика в Казахстане и Узбекистане) и предпринятые способы транзита высшей государственной власти: а) приход к власти представителя национальной элиты после смерти правителя (Туркменистан, 2006 г. и Узбекистан, 2016 г.); б) добровольная отставка президента и передача власти преемнику (Казахстан, 2019 г.); в) добровольная отставка главы государства и переход президентского кресла наследнику (Туркменистан, 2022 г.). Сила и уязвимость рассмотренных политических систем служат основанием для прогнозирования развития ситуации в постсоветских странах Центральной Азии и оценки сценариев с точки зрения национальных интересов России.

Ключевые слова: Центральная Азия, Таджикистан, Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, постсоветские государства, постсоветские политические системы, электоральная автократия, политические институты, форма правления, президентализм, смешанная республика

Для цитирования: Абрамов А. В., Алексеев Р. А. Постсоветские государства Центральной Азии: сравнительный анализ трансформации политических систем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 451–458. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-451-458>, EDN: NJVFDZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Post-soviet states of Central Asia: A comparative analysis of political systems' transformation

А. В. Абрамов¹✉, Р. А. Алексеев^{1,2}

¹Lomonosov Moscow State University, GCP-1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia

Andrei V. Abramov, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Roman A. Alekseev, Alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Abstract. The article contains a comparative analysis of processes and results of formation of political systems of four post-Soviet states of Central Asia: Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan and Uzbekistan. Based on the distribution of powers in the triangle of institutions of supreme state power: president – parliament – government, the type of political system of all four countries – electoral autocracy – is determined. Its features are the strong power of the leader-president, often accompanied by the establishment of his personality cult in the society, imitation nature of elections and multiparty system, as well as the subordinate type of parliament. What distinguishes political systems from each other are the form of government (presidentialism in Tajikistan and Turkmenistan, mixed republic in Kazakhstan and Uzbekistan) and methods of transit of supreme state power: a) accession to power of a representative of the national elite after the death of the ruler (Turkmenistan, 2006 and Uzbekistan, 2016); b) voluntary resignation of the president and transfer of power to a successor (Kazakhstan, 2019); c) voluntary

resignation of the head of state and transfer of the presidential seat to a heir (Turkmenistan, 2022). The strength and vulnerability of the considered political systems serve as a basis for forecasting the development of the situation in the post-Soviet countries of Central Asia and assessing scenarios from the point of view of Russia's national interests.

Keywords: Central Asia, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Uzbekistan, post-Soviet states, post-Soviet political systems, electoral autocracy, political institutions, form of government, presidentialism, mixed republic

For citation: Abramov A. V., Alekseev R. A. Post-soviet states of Central Asia: A comparative analysis of political systems' transformation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 451–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-451-458>, EDN: NJVFDZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В контексте современной геополитической турбулентности и санкционного давления со стороны Запада особое значение для России приобретают отношения с государствами Центральной Азии: Таджикистаном, Туркменистаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Объединенные общей судьбой с Россией (сначала в составе Российской империи, а затем – Советского Союза), эти государства и сегодня являются приоритетными экономическими и политическими партнерами для нашей Родины. Очевидно, что именно продолжающееся добрососедство и сотрудничество становятся раздражающим фактором для коллективного Запада, стремящегося путем уговоров и угроз либо «оторвать» страны Центральной Азии от России, либо сделать их очагами нестабильности, создающими проблемы для нашей страны.

Одним из действенных средств реализации указанных планов выступает политический шантаж в форме заявлений западных политиков и общественных деятелей о недостаточной демократичности стран Центральной Азии и необходимости немедленного осуществления либерализации их политических систем [1; 2, с. 23–26]. Плоды такой модернизации можно наблюдать в Киргизии, ставшей чемпионом постсоветского пространства по числу «цветных революций». Нежелание повторения ее судьбы, а также другие обстоятельства во многом обусловили конституционные реформы последних лет в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане.

Целью настоящей статьи является установление специфики политического устройства стран Центральной Азии на примере распределения власти в треугольнике высших государственных институтов: президент – парламент – правительство. Выбрав в качестве инструмента исследования метод сравнения наиболее похожих стран, авторы сконцентрировали внимание на Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане, а также исключили из рассмотрения Кыргызстан, где, по нашему мнению, политический процесс развивается совершенно иначе.

Выявление специфики политических систем четырех названных государств Центральной Азии важно в связи с необходимостью выстраивания руководством России долговременных и прочных международных отношений с Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Казахстаном. Очевидно, что осуществление Российской Федерацией продуманной внешней политики невозможно без понимания сущности политических систем этих стран, без оценки их политической и экономической устойчивости, без выяснения их надежности как партнеров.

Выводы, предлагаемые авторами, неизбежно будут носить промежуточный характер в силу незавершенности процесса поиска странами Центральной Азии оптимальной формы политической организации. Тем не менее практическая значимость проведенного исследования, позволяющего, хотя бы в самых общих чертах, установить степень устойчивости анализируемых политических систем, несомненна.

Началом генезиса политических систем Центральной Азии следует считать позднесоветский период, когда во всех союзных республиках происходила трансформация политических систем. Падение авторитета, а затем и утрата Коммунистической партией СССР юридического статуса «ядра политической системы» влекло серьезные институциональные изменения [3, с. 23–28]. В республиках учреждались посты президентов; Верховные советы из представительных структур превращались в законодательные органы; формировались оппозиция и многопартийность.

В странах Центральной Азии советской партийно-государственной номенклатуре удалось сохранить государственную власть в своих руках. Слабость демократической и националистической оппозиций способствовала беспроblemному пересаживанию глав компартий союзных республик из партийных кресел в президентские.

В 1990 г. Верховные Советы Узбекской, Казахской и Туркменской ССР избрали президентами первых секретарей ЦК республик И. А. Каримова, Н. А. Назарбаева и С. А. Ниязова. Несколько иначе события развивались в Таджикистане, где межклановая борьба привела к настоящей гражданской войне. Прологом ее стала отставка Президента Таджикской ССР и одновременно первого секретаря Компартии республики К. М. Махкамова, которого сменил другой представитель партийной элиты – Р. Н. Набиев, но и он не сумел удержать власть в стране. Началась ожесточенная борьба кланов, проходившая под флагом противостояния исламистов и сторонников светского государства. Победителем в гражданской войне стал еще один представитель номенклатуры Э. Ш. Рахмонов (Рахмон), избранный в ноябре 1994 г. новым президентом Таджикистана. Спустя три года в стране установился хрупкий мир, залогом которого стало распределение между кланами государственно-административных должностей [4, с. 56–58].

В условиях слабости политических институтов и отсутствия правовых традиций основой формирования политий независимых государств Центральной Азии стала фигура президента. Его личные и деловые качества предопределили облик политических систем.

Юридическое оформление постсоветской политической системы **Туркменистана** произошло весной 1992 г., когда в стране была принята Конституция. Ее отличительной чертой стало провозглашение непреложности и неизменности президентализма – значительной роли главы государства, являющегося одновременно и председателем кабинета министров¹.

Особая значимость президента была подчеркнута конституционными преобразованиями 1999 г., в ходе которых Ниязова как первого главу Туркменистана наделили правом занимать высший государственный пост без ограничения срока. Постепенно в стране сложился настоящий культ личности первого президента, провозглашенного Туркменбаши (Отцом туркменского народа) [5, с. 79].

Другой специфической чертой туркменской политической системы стала однопартийность. На протяжении многих электоральных циклов (1994, 1999, 2004, 2008 гг.) участие в

парламентских выборах принимала лишь одна партия – созданная в 1991 г. и возглавляемая Ниязовым правопреемница компартии – Демократическая партия Туркмении [6, с. 180].

Облик классической восточной деспотии стал немного меняться после смерти Ниязова в 2006 г. Пришедший ему на смену заместитель председателя кабинета министров Г. М. Бердымухамедов при отсутствии серьезной конкуренции дважды был избран на пост президента: в 2007 и 2012 гг. [7, с. 22–23]. Но не действовавшая ранее конституционная норма о запрете занимать высший пост в Туркменистане более чем два 5-летних срока заставила Бердымухамедова пойти на юридические ухищрения. Благодаря конституционным поправкам 2016 г. срок президентских полномочий был продлен с 5 до 7 лет, что означало «обнуление» предыдущих периодов и возможность нового избрания, что и состоялось в 2017 г. [5, с. 79].

Президентство Бердымухамедова ознаменовалось изменениями в партийной системе страны. Накануне парламентских выборов 2013 г. руководством Туркменистана было принято решение о проведении альтернативного голосования. Впервые за весь постсоветский период состав туркменского парламента (Меджлиса) оказался столь же лояльным президенту, как и ранее, но уже не однопартийным [6, с. 180]. Неизменно подчиненный характер самого парламента проявлялся, в частности, в том, что облик законодательной власти неоднократно менялся исходя из нужд текущего момента. Сначала парламента был однопалатным, затем двухпалатным и наконец опять однопалатным.

В 2022 г. Бердымухамедов заявил о своей отставке и назначении преемником сына Сердара. Последний без труда одержал победу на досрочных президентских выборах. Бердымухамедов-старший между тем переместился в кресло главы Народного совета (Халк Маслахаты), преобразованного из верхней палаты парламента в самостоятельный орган власти [7, 8].

Несмотря на некоторые изменения, произошедшие после смерти Туркменбаши, политическая система Туркменистана по-прежнему характеризуется слабостью политических институтов и строится вокруг личности президента. Сочетание передачи власти по наследству с ритуальным соблюдением демократических процедур позволяет охарактеризовать Туркменистан как электоральную автократию.

В **Таджикистане** референдум о принятии первой постсоветской конституции происхо-

¹ Конституция Туркменистана (с изм. и доп. от 21.01.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31337929&pos=241;-56#pos=241;-56 (дата обращения: 10.04.2024).

дил в 1994 г., в условиях острой межклановой борьбы, вылившийся в гражданскую войну. Так же как и в Туркменистане, согласно Основному закону, в Таджикистане был установлен президентализм – система, где власть главы государства и правительства концентрируется в одних руках².

Несмотря на конституционную норму о запрете одному лицу занимать президентский пост более двух сроков подряд, нынешний глава Таджикистана Рахмон, избранный впервые в 1994 г. и переизбранный в 1999 г., продолжает до сих пор находиться у власти. В 2003 г. срок полномочий главы государства был увеличен с 5 до 7 лет, что дало ему возможность «обнулить» все свои предыдущие властные периоды и избираться заново в 2006 и 2013 гг. Затем в 2016 г. конституционная поправка отменила запрет на ограничение сроков пребывания у власти в отношении провозглашенного Основателем мира и национального единства Рахмона. Введенные поправки к Основному закону позволили президенту вновь занять президентское кресло в 2020 г. [5, с. 80].

В отличие от Туркменистана, парламент Таджикистана никогда не был монолитным. Даже результаты выборов 1995 г., проходивших в условиях гражданской войны и проигнорированных вооруженной оппозицией, демонстрировали фрагментированность политического пространства. Заключение мирного договора и последовавшее за этим усиление власти Рахмона привели к прогрессу так называемой партии власти – Народно-демократической партии Таджикистана, постепенно занявшей доминирующее положение в нижней палате двухпалатного парламента [9, с. 3–8].

Контроль президента над парламентом и правительством, а также бессменность нахождения у руля государства делают власть президента Рахмона подобной той, что установилась в Туркменистане. По мнению некоторых экспертов, даже транзит власти – передача поста президента Таджикистана сыну Рустаму, занявшему пост главы верхней палаты парламента, – может быть реализован по туркменскому сценарию [10].

Определенную специфику имело государственное строительство в **Узбекистане**. Здесь, в соответствии с принятой зимой 1992 г. первой постсоветской Конституцией, сложилась мо-

дель, которую по формальным признакам можно отнести к смешанной республике. Несмотря на значительные полномочия президента, в стране, тем не менее, имеется премьер-министр и правительство как самостоятельные властные институты³.

Облик узбекской политической системы predetermined первый президент страны И. А. Каримов. В условиях слабости политических институтов он дважды проводил референдумы с целью продления собственных полномочий. Благодаря первому, прошедшему весной 1995 г., период нахождения в кресле главы государства был продлен до 2000 г. Второй плебисцит (2002 г.) увеличил президентский срок с 5 до 7 лет, что позволило Каримову вновь переизбраться на очередных президентских выборах, состоявшихся в 2007 г. Аргументом в пользу очередного переизбрания стало то, что выборы на семилетний срок происходили только единожды (в 2000 г.), поэтому президент может переизбраться еще раз в связи с обновленным текстом Конституции Узбекистана [5, с. 77–78].

В 2015 г. Каримов снова участвовал в выборах и снова одержал победу. Легитимируя произошедшее, ЦИК страны объяснял, что с момента принятия поправок в Конституцию Узбекистана в 2002 г. Каримов пребывал в должности главы государства лишь один срок (2007–2014 гг.) и два предыдущих периода учитываться не могут, поскольку действовала старая редакция Конституции. В общей сложности Каримов занимал высший государственный пост в стране четыре срока подряд, вплоть до внезапной смерти в 2016 г. [11, с. 103].

Одним из инструментов влияния президента являлся кабинет министров во главе с премьер-министром, кандидатуру которого выдвигал глава государства и утверждал парламент Узбекистана. Формально глава правительства нес двойную ответственность перед президентом и парламентом, однако отправлять в отставку правительство мог лишь глава Узбекистана.

Эволюцию от Верховного Совета к двухпалатному парламента – Олий Мажлису – проделала в Узбекистане высшая законодательная власть. Согласно Конституции, обе палаты парламента (сенат и законодательная палата) формировались сроком на 5 лет. Нижняя палата –

² Конституция Республики Таджикистан. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 21.05.2024).

³ Конституция Республики Узбекистан принята 08.12.1992 г. на одиннадцатой сессии Верховного совета Республики Узбекистан двенадцатого созыва. URL: <https://lex.uz/docs/35869> (дата обращения: 11.05.2024).

путем прямых выборов, верхняя – частично способом делегирования от представительных органов власти территориальных образований страны, частично путем назначения президентом (16 сенаторов). Доминирование президента над парламентом проявлялось, в частности, в том, что глава Узбекистана имел право роспуска обеих палат (при наличии положительного заключения Конституционного суда Узбекистана и в случае возникновения противоречий между палатами, которые могут привести к угрозе нормального функционирования высшего представительного органа власти)⁴.

Последнее оказалось невозможным, поскольку главенствующее положение в парламенте заняли лояльные президенту депутаты и представители так называемой партии власти, в качестве которой в 1990-х гг. выступала Народно-демократическая партия Узбекистана, а с 2003 г. – Либерально-демократическая. В ходе всех парламентских выборов (1994, 1999, 2004–2005, 2009–2010, 2014–2015 гг.) президент Каримов имел в обеих палатах Олий Мажлиса большинство [12, с. 77–80].

Неожиданная смерть И. А. Каримова в 2016 г. привела к иному, чем в рассмотренных выше странах, сценарию обретения президентского кресла. Преемником Каримова стала не его дочь Гульнара (в последние годы жизни отца она была скомпрометирована и впоследствии оказалась под арестом), а премьер-министр Ш. М. Мирзиёев, избранный и вновь в 2021 г. переизбранный на высший пост в государстве [13, с. 304–305].

Новый глава Узбекистана заявил о необходимости обновления политической системы страны. В апреле 2023 г. одобренный парламентом закон о новой редакции Конституции был вынесен на референдум и получил поддержку 90,2% граждан. В Конституцию было внесено 27 новых статей, а ее текст обновился практически на 65%⁵.

Среди значимых новаций стоит отметить сокращение численности сенаторов (со 100 до 65), введение запрета смертной казни, создание системы парламентского контроля за исполнением госбюджета и деятельности счетной палаты и др.

Однако самым значимым изменением стала норма об увеличении сроков президентских

полномочий с 5 до 7 лет (предыдущая поправка в Основной закон страны об их сокращении с 7 до 5 лет принималась еще в правление Каримова в 2011 г). Таким образом, как и в случае с предшественником, перед Мирзиёевым возникла перспектива вновь дважды переизбраться после окончания своих полномочий [14, с. 587–589]. Способом «подсластить пилюлю» большому кругу лиц, занимающих ключевые посты в государственных структурах (спикеры обеих палат парламента, председатель Верховного суда, Генеральный прокурор, председатель ЦИК и др.), стала такая же, как и у президента, возможность переизбрания без учета числа предыдущих сроков нахождения у власти.

Проведенная Мирзиёевым некоторая либерализация политической системы Узбекистана не изменила ее сути. Несмотря на дистанцирование президента от партии власти, расширение многопартийности и увеличение функций парламента, легислатура по-прежнему является несамостоятельным центром силы, но так же, как и правительство, выступает проводником воли главы государства. Таким образом, парламентаризм, многопартийность, выборы и другие атрибуты демократии являются лишь данью появившейся в 1990-е гг. конституционной моде. Как и рассмотренные выше политические системы, узбекская модель может быть определена как электоральная автократия.

Более сложно и противоречиво складывалась политическая система в **Казахстане**. Преимущество президента Н. А. Назарбаева было поначалу вовсе неочевидно. Согласно первой постсоветской Конституции, принятой в 1993 г. на сессии Верховного Совета, в стране устанавливалась парламентская система, что вызвало противодействие президента. В 1993 г. оппозиционный Назарбаеву парламент был распущен. Такая же судьба постигла и новый его состав, прекративший существование в 1995 г. одновременно с проведением референдума о проекте новой Конституции Казахстана. Президентский вариант Основного закона был поддержан населением страны и действует до сих пор (с учетом многочисленных поправок 1998, 2007, 2011, 2017, 2019, 2022 гг.)⁶.

Укрепление позиций главы государства происходило в Казахстане постепенно и волнообразно. После распада СССР Назарбаев изби-

⁴ Конституция Республики Узбекистан.

⁵ В Узбекистане вступила в силу обновленная конституция // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230501/konstitutsiya-1868997272.html> (дата обращения: 14.05.2024).

⁶ Конституция Казахстана принята на республиканском референдуме 30.08.1995 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&mode=p&page=1 (дата обращения: 11.05.2024).

рался президентом неоднократно: в 1991 г. (срок полномочий продлен в 1995 г. на референдуме до 2000 г.), в 1999 г. (проведение внеочередных президентских выборов), в 2005, 2011 гг. и на досрочных выборах 2015 гг. Менялись и сроки нахождения президента в должности. В 1998 г. они были увеличены с 5 до 7 лет, однако уже в 2007 г. была восстановлена прежняя практика в сочетании с закреплением за президентом Назарбаевым статуса Первого президента с правом неограниченного переизбрания [15, с. 9].

Постоянные изменения происходили и с полномочиями высших органов законодательной и исполнительной власти. Конституция 1995 г. учреждала вместо Верховного Совета двухпалатный парламент (верхняя палата Сенат, нижняя – Мажилис) и возглавляемое председателем правительство, несущее ответственность перед президентом и парламентом. Поправки в Основной закон 1998 г. продлевали полномочия обеих палат казахстанского парламента (для Сената с 4 до 6 лет, а для Мажилиса до 5 лет) и увеличили численность депутатского корпуса нижней палаты до 77 парламентариев⁷.

Усилили позиции президента конституционные поправки 2007 г. Численность депутатского корпуса Мажилиса увеличивалась до 170 парламентариев одновременно с президентской квотой при назначении сенаторов: с 7 до 15. Серьезными рычагом влияния стала разработка механизма по отстранению от должности депутатов. Конституционные поправки ограничили и перечень вопросов, по которым парламент мог влиять на правительство [16, с. 77].

Еще одним из способов доминирования президента в законодательной сфере стало создание в 1999 г. партии власти, в роли которой выступила Республиканская политическая партия «Отан» (с 2006 по 2022 г. – «Нур Отан» – Сияющее Отечество). Звездным часом партии власти стали парламентские выборы 2007 г., когда «Нур Отан» оказалась единственной силой, преодолевшей заградительный барьер и получившей все депутатские кресла в Мажилисе.

Сверхвласть президента была немного ослаблена новыми конституционными поправками 2011 и 2017 гг. Назарбаев уже в статусе бессменного Елбасы – Лидера нации, хотя и сохранял право на формирование кабинета министров, но должен был консультироваться по кандидатуре главы правительства с законодательством

рой. Президент также отказывался от права на издание указов, равных по силе законам, и от отмены правительственных нормативных актов [15, с. 9].

В 2017 г. Сенат получил возможность назначения и освобождения от должности омбудсмена. В ходе конституционных преобразований парламенту было возвращено ранее изъятое у него право по контролю за деятельностью правительства. Сам же высший орган исполнительной власти наделили полномочием, ранее принадлежащим только президенту, – возможностью утверждать госпрограммы и систему финансирования органов власти [17, с. 143–149]. Ритуальной уступкой парламенту стало сложение полномочий правительством перед новым составом Мажилиса, а не перед вновь избранным главой государства.

В общем и целом, несмотря на некоторые уступки, сделанные парламенту и правительству главой государства, все нити государственного управления продолжали оставаться в руках Назарбаева. Тем удивительней было состоявшееся весной 2019 г. решение последнего о добровольном сложении с себя полномочия. Исполняющим обязанности главы государства стал спикер Сената К.-Ж. Токаев, которого в 2019 г. избирали, а в 2022 г. переизбрали президентом страны.

Токаев продолжил серию конституционных реформ, направленных на делегирование части президентской власти парламенту и правительству. В 2022 г. численность Мажилиса была сокращена с 107 до 98 депутатов, а также ликвидированы квоты, по которым Ассамблея народа Казахстана назначала депутатов Мажилиса, а глава государства – сенаторов. В ходе выборов Мажилиса был снижен (с 7 до 5%) и заградительный порог для прохождения в палату партий.

Сам Токаев принял решение о партийной нейтральности и передал руководство партией власти (переименованной в «Аманат») спикеру Мажилиса Е. Кошанову. Указанное обстоятельство, впрочем, не сделало партию оппозиционной и не помешало «Аманату» одержать уверенную победу на внеочередных парламентских выборах в 2023 г., заручившись поддержкой более половины избирателей [18, с. 27–28].

Значимыми для укрепления влияния Токаева стали кадровые перемены в высших органах власти, состоявшиеся после беспорядков в январе 2022 г. С ключевых постов были удалены люди клана Назарбаева, а сам первый президент утратил свой привилегированный статус [19, с. 116–118].

⁷ Конституция Казахстана принята на республиканском референдуме 30.08.1995 г.

Таким образом, как и в случае с Узбекистаном, приход к власти нового главы государства ознаменовался либерализацией политической системы, но не изменил ее сущности. Несмотря на наличие и даже увеличение внешних атрибутов либеральной демократии, концентрация полномочий в руках главы государства, значительное влияние президента на парламент и правительство позволяют по-прежнему считать казахстанскую политическую систему электоральной автократией.

Подводя итоги сравнительного исследования политических систем Таджикистана, Туркменистана, Казахстана и Узбекистана, можно отметить нечто общее для всех четырех стран: формирование в указанных государствах электоральной автократии.

Ее важнейшим признаком является, прежде всего, сосредоточение власти в руках лидера-президента, индивидуальные черты и качества которого определяют как облик всей политической системы вообще, так и конкретный курс развития страны в частности. Прямым следствием концентрации власти в руках президента становится формирование культа его личности, выражающегося в громком и помпезном титуловании центральноазиатского политика (Туркменбаши, Елбасы, Основатель мира и национального единства).

За исключением президента, политические и государственные институты – выборы, многопартийность, парламентаризм – носят имитационный характер. Высшие органы государственной власти являются несамостоятельными и полностью зависят от лидера, занимающего должность президента. Особенно это заметно на примере выборов главы государства, которые часто переносятся или заменяются конституционными референдумами о продлении властных полномочий. По воле президента меняются численность и структура парламентов.

Для партийных систем Таджикистана, Туркменистана, Казахстана и Узбекистана характерно существование так называемые партии власти, объединяющей лояльных президенту чиновников и общественных деятелей для реализации воли своего лидера в стенах парламента. Отсутствие или слабость оппозиции делает ее роль в политическом процессе незначимой. Впрочем, и сам характер критики главы государства зачастую обусловлен не столько притворенностью его противников иным идеологиям, сколько принадлежностью к иным клановым или этническим сообществам [20].

Некоторое различие сравниваемых систем заключается в установившейся в них форме государственного правления, маркером которой является наличие или отсутствие фигуры премьер-министра. Если Таджикистан и Туркменистан могут быть охарактеризованы как президентальные системы, где лидер совмещает исполнение обязанностей главы государства и правительства, то Казахстан и Узбекистан более напоминают смешанные республики, где правительство во главе с его председателем формально отделено от руководителя страны и несет двойную (перед президентом и парламентом) ответственность. Думается, что такое дистанцирование от правительства предоставляет президентам Казахстана и Узбекистана большую свободу действий: в случае народного недовольства проводимой политикой они всегда могут обвинить в неудачах высший орган исполнительной власти и отправить его в отставку.

Другим различием политических систем Центральной Азии являются сценарии транзита высшей государственной власти. В рассмотренных электоральных автократиях (за исключением Таджикистана, где лидер пока не сменился) траектории передачи власти зависят от двух факторов: во-первых, является ли такая передача внезапной (смерть лидера) или заранее подготовленной (операция «преемник»), а во-вторых, передается ли высший пост сыну или дочери (наследование) либо другому представителю высшей государственной элиты. На сегодняшний день мы имеем следующие комбинации указанных факторов: смерть правителя и приход к власти представителя национальной элиты (Туркменистан, 2006 г. и Узбекистан, 2016 г.), добровольная отставка и передача власти преемнику (Казахстан, 2019 г.), добровольная отставка и переход президентского кресла наследнику (Туркменистан, 2022 г.). Однако при любом развитии событий новый лидер, пришедший к власти, организует выборы, где ритуально получает абсолютное большинство голосов и тем самым легитимизирует свое положение.

Характеризуя указанные системы в целом, следует отметить их институциональную слабость и персоналистский характер. С точки зрения интересов России такое сочетание чревато рядом опасных последствий: во-первых, невозможностью выстраивания долговременной внешнеполитической стратегии в силу непредсказуемости транзита власти; во-вторых, уязви-

мостью центральноазиатских систем перед политикой Запада, который может дестабилизировать ситуацию в данных странах под флагом поддержки справедливой борьбы демократической оппозиции с антинародной диктатурой. Пока противопоставить этому Россия может только личные отношения президента страны с лидерами стран Центральной Азии.

Список литературы

1. Егоров В. Г., Штоль В. В. Актуальные тренды внешнеполитической стратегии стран СНГ // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 115–137. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2024-2-1445>
2. Пономарев В. А. Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7, № 1. С. 18–28. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-18-28>, EDN: YFJLAD
3. Багдасарян В. Э. СССР: что и почему не получилось? // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1, № 3. С. 1–29
4. Абрамов А. В., Алексеев Р. А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 54–64. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>
5. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Конституционно-правовое оформление постсоветских политических систем: сравнительный анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 73–86. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-73-86>
6. Кузьмин П. В. Политические системы постсоветских государств. М. : ИНФРА-М, 2021. 208 с.
7. Притчин С. А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 4. С. 7–42. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42>
8. Потапова Е. Ю. Туркменистан: сын продолжает политику отца // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 160–177. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-160-177>, EDN: ZPSPOL
9. Хадыров Р. Ю. Структура политического пространства Таджикистана: партийное измерение // Право и политика. 2023. № 1. С. 1–9. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.1.39683>, EDN: FMBORI
10. Иванова Г. Дело семейное. Как отношения с детьми расшатывают и укрепляют политические режимы в Средней Азии // Лента.ru : [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2020/06/09/dela_tranzitnie/ (дата обращения: 27.04.2024).
11. Космаенко Д. Особенности формирования и развития политической системы современного Узбекистана // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11. С. 101–106.
12. Кулешова Н. Некоторые особенности партийно-политической системы Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. 2014. № 12. С. 75–81
13. Рагимова П. Ф. Республика Узбекистан: история и современность: краткий очерк // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2021. Вып 4. Узбекистановедение. С. 290–315
14. Борисов Н. А. Парадоксы конституционных трансформаций и политический процесс в Беларуси и Узбекистане: имеют ли значение формальные институты? // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 580–598. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-580-598>
15. Прокофьев В. Н. Конституционно-правовой статус Президента Республики Казахстан // Вопросы управления. 2017. № 2. С. 7–12. EDN: ZXJFAR
16. Толеубеков А. Т. Основные этапы и характерные черты становления и развития парламентаризма в Казахстане // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 76–80. EDN: YZKQEH
17. Хабриева Т. Я., Андриченко А. В. Конституционная реформа в Республике Казахстан: тенденции и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 142–150. https://doi.org/10.12737/article_593fc343e09a66.75343728
18. Гуселетов Б. П. Президентские и парламентские выборы в Казахстане: итоги и последствия // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2023. № 3. С. 24–40. <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2023-3-24-40>
19. Кривенко Г. И. Январские протесты 2022 г. в Казахстане // История и современность. 2023. № 1. С. 107–123. <https://doi.org/10.30884/iis/2023.01.05>
20. Егоров В. Г., Рекк Д. А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 36–47. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1029>

Поступила в редакцию 31.05.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 25.09.2024; published 29.11.2024